



КРАХ СССР



**ЕГОР
ГАЙДАР**

**СМУТЫ И
ИНСТИТУТЫ**

Егор Тимурович Гайдар

Смуты и институты

Серия «Крах СССР. Свидетельства очевидцев»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13143967

Смуты и институты / Егор Гайдар: Алгоритм; Москва; 2015

ISBN 978-5-906789-99-0

Аннотация

«Для тех, кому сейчас 20—30 лет, произошедшее в России на рубеже 1980—1990-х годов представляется далеким прошлым. Многие люди постарше вычеркнули события того времени из памяти. Они слишком страшные, неприятные и непонятные. О них хочется забыть, а если не забыть, то как-то подсластить, чтобы прошлое не горчило память о молодости. Наверное, поэтому миллионы наших сограждан, совсем еще не старых, забыли о всеобщем дефиците, о пустых полках магазинов. Они искренне убеждены в том, что в стране до начала экономических реформ денег и товаров было достаточно, жизнь была стабильна, социальная защита обеспечена».

Имя Егора Гайдара до сих пор вызывает нешуточные споры. Он совсем недолго пробыл премьером постсоветской России, но его реформы изменили облик нашей страны. Его упрекают в

бедах, которые выпали на долю нашей страны в начале 90-х годов. Но можно ли было поступить иначе? Об этом рассказывает сам Егор Гайдар в книге, посвященной анализу перестройки и 90-х годов в России.

Содержание

Смуты и институты	5
Введение	5
Политэкономия смуты. Историческая ретроспектива	17
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Смуты и институты

Смуты и институты

Введение

Нет дела, коего устройство было бы труднее, опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые.

Николо Макиавелли. «Государь»

Современная экономическая теория основывается на представлении, что экономическую жизнь страны определяют её институты – правила, устанавливающие отношения между людьми, государством, организациями. Мысль, что привычные установления важны для экономического роста, трудно назвать новой. В этом суть классической работы А. Смита «Исследование о причинах и природе богатства народов».

При таком интеллектуальном наследии непросто понять, почему еще полвека назад внимание исследователей к роли институтов в экономическом развитии было скромным.

В те годы такие факторы экономического роста, как уровень национальных сбережений и инвестиций, обсуждались куда чаще и считались более важными, чем господствующие в обществе обычаи, традиции, установления. Причина этого в том, что поколения ученых воспринимали институты, сложившиеся в Западной Европе, как естественные и единственно возможные. Потребовались потрясения первой половины XX века, социалистические эксперименты, две мировые войны, чтобы экономическое сообщество осознало то, что хорошо понимал А.Смит: экономический рост определяется качеством и состоянием национальных институтов.

Институты отражают привычные нормы поведения. Стабильность в обществе, государстве – залог их эффективности. В то же время развитие общества, перемены в его жизни требуют изменения этих институтов. Проблемам, связанным с ломкой сложившихся норм поведения, посвящены работы Д.Норта. Сочетание стабильности и гибкости, риски, связанные с делегитимацией традиций, – ключевые вопросы при анализе взаимосвязи институтов и экономического роста. Впрочем, бросается в глаза почти полное отсутствие у последователей институциональной школы серьезных работ, посвященных не эволюции институтов, а их краху в период смут и революций.

В марксистской литературе тема устойчивости новых порядков, не имеющих за собой традиций, обсуждалась редко. Там понятие «революция» представляло собой конструк-

цию, связывающую развитие производительных сил и производственных отношений. Ни К.Маркс, ни его последователи не анализировали проблемы, возникающие, когда за крахом старых институтов еще не последовало формирование новых.

Революциям посвящено немало интересных работ. Но дело в том, что сам термин «революция» изменчив во времени и пространстве, его по-разному воспринимают во Франции, России, Англии, США, Германии, странах Восточной Европы.

Многие современные государства возникли в результате революций. После английской «славной революции» это слово приобрело позитивный оттенок. На самом деле, в годы английской революции XVII века романтики в беспорядке и безвластии, нередко сопровождавшихся большой кровью, было мало. Революция – это трагедия, приговор старой элите, оказавшейся неспособной провести эволюционные реформы, урегулировать социальные конфликты.

Под революцией обычно понимают потрясения, снимающие препятствия на пути развития общества. Но революция – это часть более широкого круга явлений, связанных с тем, что старой власти уже нет, а новой еще нет. Не случайно в русском языке слово «революция» перекликается со словом «смута», периодом хаоса и беспорядка.

Важнейший атрибут государства – монополия на применение насилия. Она никогда не бывает полной. Однако в

упорядоченных обществах роль негосударственного насилия маргинальна.

Для большинства граждан государство – не всегда эффективный, но привычный защитник. Всплеск насилия, который государство не способно контролировать, – определяющая черта революций и смут. Вот картина революционной жизни 1917–1918 годов: «Охрана личности исчезла вовсе.[...] Грабежи сделались бытовым явлением... Личной неприкосновенности в смысле права граждан и ограничения для власти нет и следа. Жандармские обыски и охранные аресты былого времени – верх правомерных действий, сравнительно с обысками, проводимыми по ордерам советской власти».

Крах государства, денег, гарантий собственности происходит со скоростью, поражающей современников. Разительные отличия в мироощущении, когда власть жестко подавляла всякое сопротивление, и наступившим через пару дней полным безвластием заставляла людей смотреть на происходящее как на нечто нереальное. Старые институты были устойчивы, они формировались на протяжении жизни многих поколений. Чтобы придать новым институтам стабильность, нужны годы, нередко десятилетия. Но когда привычные установления уже не действуют, а новых еще нет, жизнь становится невыносимой.

Как выглядит революция при ближайшем рассмотрении, описывает один из свидетелей событий марта 1917 года: «Я

иду впереди роты, слышу сзади: «Нет теперь командиров! Идем, как хотим!» Солдаты пьяны и свободой, и водкой, все течет самотеком. [...] Со странно сведенным лицом стоит и генерал Бем, держа под козырек. Его белую перчатку я вижу на кровавых полотнищах кумача. А вокруг взлетают папахи, гремят марши, туши. [...]

Но вдруг все прорезали сиплые выкрики: «Бема бьют!» И все кинулись к трибуне комиссара, а с тротуара, ничего не поняв, дамы машут сумочками, платками, кричат: «Ура!» [...] Сзади на снегу валяется голый, пятнистый от кровоподтеков, растоптанный солдатскими сапогами труп полного человека, и в этом трупе, странно раскинувшем руки и ноги, есть что-то совершенно несообразное с только что виденным командиром бригады и начальником гарнизона».

Кризисы, порождающие институциональный вакуум, явление в истории сравнительно редкое. И развитие событий в это время не укладывается в привычные представления людей о нормальной жизни. Экономисты, даже с мировым именем, порой высказывают наивные суждения, когда речь заходит о событиях, происходивших при крушении коммунистического режима в СССР.

Американские профессора пишут о событиях в России начала 1990-х годов: «Ельцин и его коллеги должны были рассказать российскому населению о том, что путь к национальному обновлению будет долгим и тяжелым, что национальная солидарность и социальная справедливость крити-

чески важны, что государство будет стремиться равномерно распределить тяготы перехода к новому режиму между гражданами, что оно постарается обеспечить максимально возможный уровень политической свободы, что оно будет стремиться постепенно увеличить уровень экономической свободы, вводя элементы рыночной экономики, но при этом обеспечивая социальную стабильность».

Профессор, выросший в условиях стабильной демократии, может доказывать, что введение свободных цен, конвертируемой валюты, приватизация государственного имущества сами по себе не формируют предпосылки экономического роста, что для создания развитой системы институтов, необходимой для эффективного функционирования рыночной экономики, нужны десятилетия, если не столетия. Но что делать, когда жизнь требует решений немедленно?

Интересно читать о том, что «рыночные институты включают: правовую структуру с соответствующими законами, судами, кадрами юристов и системой мер, обеспечивающей соблюдение законодательства; кодифицированные права собственности; торговый, гражданский и налоговый кодекс; банковскую систему, охватывающую коммерческие инвестиционные банки, которые обеспечивают оборотный и долгосрочный капитал; бухгалтерские, финансовые, страховые, рекламные фирмы; структуру государственного регулирования; жизнеспособную валюту как средство обращения, сохранения стоимости и как расчетную единицу». По-

лезно узнать и про «сеть социальной безопасности в качестве составляющей нового «социального контракта»», и про то, что «цивилизованное общество не может выжить, когда необходимость уважения законов и других социальных норм рассматривается исключительно под углом зрения эгоистического интереса. Оно теряет жизнеспособность, если большинство людей соблюдают законы (например, платят налоги), лишь тогда, когда гедонистические подсчеты показывают, что дисконтированные величины вероятных санкций в случае поимки превышают дисконтированные же размеры вероятных выгод от нарушения законов».

Американский экономист, лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц в работе, посвященной российским реформам, задает вопрос: «Почему реформаторы так не желали начинать с того места, где они находились? Возможно, постсоветские реформаторы считали, что все, органично выроставшее на почве советских или российских реформ, несет на себе клеймо коммунизма».

Особенно трогательно было слышать подобные рассуждения осенью 1991 года, когда наша страна стала банкротом. Когда запасов зерна в крупных городах оставалось, даже при самых минимальных нормах, лишь на несколько дней, а советская экономическая система была устроена так, что поставки продовольствия выполнялись только при угрозе репрессий. Когда у российского правительства не было ни одного боеспособного полка, готового исполнить при-

каз. Когда не существовало ни государственной, ни таможенной границы России: в портах Одессы, Таллина, Клайпеды, Вентспилса союзными властями граница не контролировалась, а обустроенной границы между Украиной, Прибалтикой и Россией не было. Когда не было единой системы правосудия, не работала милиция и прокуратура. Когда государство было просто не способно выполнять свои функции. В такие времена на первый план выдвигаются не проблемы темпов роста, сохранения социальных гарантий и уровня безработицы, а угроза голода, холода и гражданской войны.

Режим Саддама Хусейна был преступным. События весны 2003 года подтвердили: никто в Ираке умирать за Хусейна не хотел. Большинство жителей Ирака встречали американцев как освободителей. Если не считать кучки преданных С. Хусейну головорезов, военная и полицейская элита старого режима была готова служить новой власти, более того – рассчитывала ей служить.

Однако те, кто вырабатывал в то время американскую политику, не жили в деинституционализированном обществе. Они знали, что режим аморален, они его уничтожили, разрушили его институты, включая армию и полицию. Они просто не могли оценить последствия реализации своих планов. Вот как описывали развитие событий американские журналисты: «В детских садах нет электричества. Воспитатели разбежались, родители боятся отпускать детей в образовательные учреждения. [...] Практически каждое государственное

министерство – с характерным исключением министерства нефти – было разграблено и сожжено.

Банки, расположенные в районе Багдада, были разграблены. [...] Уже 4 апреля сразу после краха режима снабжение Багдада электроэнергией прекратилось. Система водоснабжения работала лишь на 40 % своей мощности». К июню 2003 года американская администрация осознала, что грабежи наносят иракской экономике больший ущерб, чем военные действия. Хищение медных электропроводов стало массовым. Крах структур старого режима открыл дорогу массовому распространению контрабанды.

Те, кто принимал решения, не понимали, что после исчезновения с улиц полиции старого режима грабежи, перебои в энергоснабжении станут элементами ежедневной жизни, что многие привычные установления (например, низкие цены на бензин) можно поддерживать, лишь имея действующие пограничные и таможенные службы, что с их исчезновением дефицит нефтепродуктов, холод и голод станут острой проблемой.

Крахи установлений, отсутствие порядка, гарантий прав собственности, соблюдения контрактов приводит к социальной и экономической катастрофе. Такое не раз случалось и в российской истории. Так было в Смутное время начала XVII века и в 1917–1921 годах. Периоды деинституционализации – не уникальная российская специфика. При исследовании механизмов развертывания социальной деструкции обнару-

живается сходность, даже общность происходившего в странах с различающимися традициями и уровнями развития.

Смута – социальная болезнь, сопоставимая по последствиям с голодом, крупномасштабными эпидемиями, войнами. Как показывает исторический опыт, она не вырабатывает устойчивый иммунитет. Отмечена схожесть происходившего в Москве 22 августа 1991 года с тем, что было в Париже после взятия Бастилии или Петрограде 28 февраля – 1 марта 1917 года. Ликование по поводу свержения старого, утратившего доверие режима, массовые демонстрации в поддержку новой власти, пьянящее отсутствие всякой власти – и старой, и новой. Те, кто знает историю французской и русской революции, представляли, что в августе 1991 года может последовать за коротким периодом ликования, насколько серьезны риски, с которыми столкнулась страна.

По прошествии небольшого, по историческим меркам, времени смещаются общественные оценки, люди путают имена, даты, последовательность событий. Это происходит не по злему умыслу, так устроена человеческая память. Когда общество, пережив трудные времена, мучительно приходит в себя, в его недрах вызревает сначала подсознательное, а затем и рациональное стремление забыть прошлое или сконструировать вместо него нечто иное, более удобное и жизнеутверждающее. Сперва новая конструкция имеет что-то общее с происходившим, но со временем начинает жить по своим законам, отнюдь не соответствующим фактам ис-

тории.

Для тех, кому сейчас 20–30 лет, произошедшее в России на рубеже 1980–1990 годов представляется далеким прошлым. Многие люди постарше вычеркнули события того времени из памяти. Они слишком страшные, неприятные и непонятные. О них хочется забыть, а если не забыть, то как-то подсластить, чтобы прошлое не горчило память о молодости. Наверное, поэтому миллионы наших сограждан, совсем еще не старых, забыли о всеобщем дефиците, о пустых полках магазинов. Они искренне убеждены в том, что в стране до начала экономических реформ денег и товаров было достаточно, жизнь была стабильна, социальная защита обеспечена.

Они помнят, что зарплаты и пенсии были хотя и небольшими, но на жизнь хватало, зато работа, медицинская помощь, бесплатное образование и летний отдых для детей, пенсия в старости были гарантированы. Что страна называла себя государством рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции и гордилась социальным равенством. Что советским гражданам завидовали миллионы обездоленных пролетариев во всем мире.

Но не помнят или не хотят помнить о том, что многие семьи едва сводили концы с концами, что плохонький телевизор или холодильник был пределом мечтаний, а обладатель «Москвича» воспринимался как очень богатый человек. Их не убеждают ни число автомашин и бытовой техники в рас-

чете на 1000 человек тогда и сегодня, ни другие показатели роста уровня благосостояния. Они забыли, что каждый ро-пот недовольства, каждый протестующих ждала тюрьма или психбольница, а иногда и расстрел, как это произошло в Новочеркасске в 1962 году.

Такая амнезия общественной памяти – естественная реакция на пережитые тяжелые годы революции 1991–1993 годов. Но если не знаешь правду о прошлом своей страны, то можешь сделать серьезные ошибки в будущем. Хотя и говорят, что история учит только тому, что ничему не учит, но и это правило имеет исключения. В XX веке Россия совершила немало ошибок. Две из них были связаны с радикальной деинституционализацией в 1917–1921 годах и на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х годов. Цена их была очень высокой. Не повторить их – наша задача.

Политэкономия смуты.

Историческая ретроспектива

Смуты в аграрных обществах – крушение и восстановление привычных порядков

Способ социальной организации аграрных обществ доминировал в мире на протяжении тысячелетий. Их характерной чертой было разделение населения на привилегированное меньшинство, обычно выполняющее государственные функции, несущее или организующее военную службу, занятое культовыми обрядами, и крестьянское большинство. В таких обществах среднедушевые доходы растут медленно или не растут вовсе, большая часть населения неграмотна, жизнь коротка. Периоды мира, относительного процветания сменяют внутренние или внешние войны.

Важный инструмент, позволяющий обеспечить социальный порядок, – традиции. Хорошо, если жизнь устроена, как при отцах и дедах. В этом основа легитимации порядка, разделения общества по социальным стратам. Не все аграрные общества так устроены, были и аномалии. Но такой тип социальной организации преобладал в мире со времен неолитической революции до начала современного экономического роста, на рубеже XVIII–XIX веков.

Важные различия в организации аграрных обществ свя-

заны с уровнем централизации власти. Их можно условно разделить на централизованные и феодальные. В централизованных аграрных обществах – единая налоговая администрация, отделенная от нее система военной службы, финансируемая за счет казны. В феодальных обществах функции сбора крестьянских повинностей и военная служба объединены.

Феодальная организация порождает немало проблем. Слабость центральной власти чревата междоусобицами и разорением деревень. Феодальная армия – ненадежная защита от внешних завоеваний. Однако привычные отношения сеньора и крестьянина, слабость государства, ограниченность его функций снижают риски крушения сложившихся общественных институтов.

В централизованных аграрных государствах угроза краха существующего порядка серьезнее. Их сила в развитой бюрократии, способной собирать налоги, содержать и контролировать армию. Но из столицы непросто проследить за тем, что делают чиновники в уездах.

Основной плательщик налогов – крестьяне. Их уровень жизни в лучшем случае немного превышает необходимый для сохранения жизни. В неурожайные годы выполнить обязательства перед государством непросто. Именно тогда массовым становится бегство с земли, аграрные беспорядки.

Ключевая проблема аграрных империй – риск падения доходов казны, связанный с недобором налогов. Это может

быть вызвано как недообложением, так и переобложением крестьян налогами. Суть экономической политики аграрных цивилизаций – поиск хрупкого равновесия, позволяющего отбирать у крестьян максимум возможного, но не доводящий их до разорения¹. Это равновесие может оказаться нарушенным, когда возникает риск внешнего завоевания страны. Стремление правящей элиты собрать дополнительные средства для обороны, обеспечения собственной безопасности нередко приводит к переобложению деревни налогами, подрыву налоговой базы – и в результате к краху государства.

Предсказать крах сложившихся институтов трудно. Смута в аграрных обществах явление нечастое, поражающее современников неожиданностью и масштабами бедствия. Многие российские историки были склонны рассматривать смуту XVII века в России как явление уникальное, случайное, не связанное с ходом истории нашей страны².

Централизованное аграрное государство с развитым бюрократическим аппаратом в России существовало, по историческим меркам, недолго. Оно сложилось лишь в XV–XVI веках. В аграрном Китае – бюрократической империи, существовавшей тысячелетия, явления, подобные тем, с которыми столкнулась Россия начала XVII века, не были уникальными. Для китайских историков это не невиданная катастрофа, а органичная часть династического цикла.

Начало цикла – централизация власти, повышение эффективности бюрократии. Против пытающейся своевольни-

чать элиты проводят жесткие репрессии. Его завершение – уход налогоплательщиков под покровительство «сильных людей», эрозия налоговой базы, сокращение доходов казны, смута.

Основатели династии, нередко иноэтнические завоеватели, иногда вожди крестьянского восстания, держат в жесткой узде тех, кого они привели к власти, богатству. При их потомках энергия государства слабеет, должности региональных наместников становятся наследственными, доходы правительства сокращаются. К концу династического цикла крестьянские восстания становятся массовым явлением.

Как отмечалось, для централизованной аграрной империи характерно разделение функций между гражданской и военной сферами. Обеспечить контроль над сбором и поступлением налогов невозможно без системы коммуникаций, почты. Обособление военной и гражданской власти предполагает иерархическую, подчиняющуюся центру систему отправления правосудия. Этот принцип не всегда соблюдался. Право судить иногда получали или присваивали себе влиятельные чиновники. Но это нарушение принципа, отход от традиционной организации государственной власти.

Голод и мор крестьян в неурожайные годы, сокращение налоговой базы могли подорвать устойчивость аграрного государства. Одна из задач правительства – забота о запасах продовольствия, при необходимости помощь голодающим. Другая – снабжение столицы и армии продовольствием. Вой-

ска размещались там, где угроза внешнего вторжения наиболее вероятна. В Китае столица и место расквартирования войск на протяжении веков были территориально отдалены от регионов, поставлявших большую часть продовольствия.

Если бюрократическая машина перестает функционировать, жизнь аграрных империй становится нелегкой. Современники воспринимают это как катастрофу, нередко как бедствие, посланное богами. Предвестники таких катаклизмов: сокращение доходов бюджета, невыплата довольствия в армии. Прекращение правящей династии, отход от традиций иногда становятся прологом институционального кризиса. Механизмы развертывания смуты в аграрных империях имеют сходные черты.

Если сравнить аграрные империи с феодальными обществами, то видно, что несущий элемент конструкции феодального государства – отношения между лордом и крестьянином. Лорд в собственных владениях – и судья, и гарант выполнения закона, и сборщик податей, и защитник. Хотя крестьянский протест не редкость в истории феодализма, но случаев, когда он привел к крушению сложившихся институтов, история знает мало. При угрозе традиционному статусу феодалы, их вооруженные отряды обычно способны навести порядок.

В централизованных аграрных империях ситуация иная. Рядом с крестьянской общиной нет замка феодала. Армия сосредоточена у границ империи. В сельскохозяйственных

районах невелико число людей, способных подавить крестьянские беспорядки. Крестьяне убеждены, что налоги отнюдь не их добровольные обязательства, необходимые для выполнения государством своих функций, а бремя, которое они несут под угрозой репрессий. Когда риск применения государством силы снижается, вместе с ним уменьшаются и доходы бюджета. Поддерживать баланс между размером налогового бремени, стремлением от него уклониться и страхом перед карательными действиями властей удастся, если крестьяне знают, что повинности тяжелы, но привычны, их несли и отцы, и деды. Что если не платить налоги, то рано или поздно власть пришлет войска.

Так было на протяжении столетий. Но то, что это будет всегда, гарантировать нельзя. Налагаемые на крестьян повинности могут превысить уровень, совместимый с устойчивым ведением крестьянского хозяйства. Наглядный пример этому: бегство крестьян в казаки, массовое запустение земель в Московском государстве конца XVI века. В истории аграрных империй немало аналогичных эпизодов. Кризис государственных финансов, вызванная ненадежность войска, конфликты с соседями могут подорвать способность государства применять силу при отказе крестьян платить налоги. Расчет на то, что крестьяне всегда будут послушными, войска надежными – ошибка, дорого стоившая правителям многих аграрных государств.

Общие черты развития событий во время смуты сходны

в разных странах и в разное время. Когда правительство теряет способность собирать налоги, ему нечем выплачивать жалование тем, кто состоит на государственной службе. Они вынуждены приспосабливаться: чиновники погрязают в коррупции, военные реквизируют продовольствие у крестьян. «Одни придут – грабят, другие придут – тоже грабят»³. Когда порядка нет, а у крестьянина отбирают все нажитое, он не видит смысла работать на земле. Разумнее взять в руки оружие и податься в разбойники. Массовый уход крестьян с земли, их объединение в вооруженные банды – характерная черта смуты.

Если феодалы и их дружины способны сами поддерживать порядок в своих владениях, то в централизованных аграрных империях крах государства означал крушение всех институтов, обеспечивающих правопорядок⁴. Права становились зыбкими. Претенденты на власть в России начала XVII века – Лжедмитрий Первый, Лжедмитрий Второй, Василий Шуйский, польский король Сигизмунд – во время Смуты раздавали своим сторонникам одни и те же поместья. На одну усадьбу претендовали несколько помещиков, жалованные им грамоты мало чего стоили.

На фоне анархии, хаоса нелюбовь крестьянского большинства к тем, кто пользовался привилегиями в условиях устойчивой власти, становилась явной. Призывы грабить дома богатых, делить их добро становятся массовыми⁵.

Без надежной системы коммуникаций невозможно контролировать территорию, обеспечивать сбор налогов. Крах существующего порядка привел к параличу транспорта. В результате обострились проблемы снабжения продовольствием столицы империи⁶. С этим столкнулись польские войска, занявшие в последние годы Смуты Москву. «Шиши», крестьяне, взявшиеся за оружие в ответ на произвольные реквизиции, грабили обозы, уничтожали польские отряды. Их действия не были проявлением патриотических чувств. Они боролись против тех, кто забирал у них хлеб и уводил скот.

В аграрных империях власти стремились иметь средства, позволяющие финансировать войны, справляться с последствиями неурожаев. В государственной сокровищнице хранились драгоценные металлы, камни, иногда продовольствие. Расхищение сокровищницы – характерный штрих Смутного времени.

Там, где проводились масштабные ирригационные работы, паралич административного аппарата приводил к расстройству водного хозяйства. Наводнения в Китае в периоды заката династий – пример того, как крах государства сказывался на жизни людей.

* * *

Чем сложнее институты, тем более хрупкими они оказы-

ваются при крахе централизованного государства. Это относится к государственному аппарату, торговле на дальние расстояния, финансовым рынкам. В периоды смуты институциональная структура общества становилась проще. Более устойчивыми оказывались базовые отношения: семья, крестьянское хозяйство, отношения между лордом и слугой.

Каковы признаки завершения династического цикла? Нет центра, способного обеспечить порядок, собрать налоги, содержать армию, платить чиновникам. Монополии государства на применение насилия тоже нет. Налицо кризис систем ирригации и водного транспорта, трудности в обеспечении столицы зерном, неспособность правительства оказывать эффективную помощь населению при неурожае. Результат смуты – усталость от анархии, запутанные отношения собственности, разграбленная казна. Слабость государства растягивается на многие годы.

Жизнь во время смуты непривычна, тяжела и опасна. Отсюда мечты о восстановлении старого порядка. Люди забывают, как ненавидели сборщиков налогов, завидовали привилегиям вышестоящих сословий. Они помнят лишь о том, что раньше был порядок.

Революции – утверждение новых институтов

В XI–XII веке в Западной Европе появились города-государства, отличные от полисов античности, но имевшие представительные собрания, определявшие, как должны соби-

ратся налоги, на что должны расходоваться государственные средства. Укоренялось представление о священном праве частной собственности, о праве «лучших людей», т. е. тех, кто платил налоги, управлять делами государства. К XVIII веку беспрецедентные по масштабам институциональные изменения сделали страны Западной Европы непохожими на остальной аграрный мир. Они открыли дорогу ускорению социально-экономического развития, процессу, который позже получил название «современный экономический рост»⁷.

По современным меркам, социальные перемены шли неспешно. Традиции оставались стеновым хребтом европейского мира.

Однако постепенно трансформировалось отношение к новшествам, изменяющим привычные установления. Распространялось представление об изменениях как о средстве, позволявшем снять преграды на пути развития общества. Они повышают уровень благосостояния, увеличивают финансовые ресурсы государства. Если для традиционных аграрных обществ связанные с переменами потрясения – синоним беды, то в Западной Европе, европейских переселенческих колониях отношение к изменениям в жизни общества становилось иным. С ними стали связывать исправление несовершенств существующего порядка, создание предпосылок лучшей жизни.

В первых революциях XVII–XVIII веков – голландской, английской, американской – роль традиции была еще силь-

на⁸. Лидеры голландской революции ссылались на установления, дарованные Бургундским домом. Английская революция XVII века была реакцией на попытки королевской власти изменить организацию жизни страны, отказаться от привычных прав и свобод⁹. Во время революции традиционная система отправления правосудия пострадала, но не была полностью дезорганизована. Несмотря на гражданскую войну, государственные финансы не рухнули. Парламент вотирует сбор налогов, которые раньше отклонял как несправедливые. Лидеры нового режима осознавали, как легко свергнуть новую власть, за которой не стоит традиция¹⁰, поэтому пытались помириться с Карлом I, понимали, что без этого стабилизировать новую власть трудно.

Противники французской революции приводили в качестве доказательства её принципиального отличия от английской именно сохранение в Англии социальной стабильности на фоне гражданской войны XVII века. Но эти отличия не надо абсолютизировать¹¹. Традиции рушились и в Англии. В обществе, лишенном ограничений, налагаемых традицией, насилие становится ключевым доводом в споре. Неспособность правительства контролировать применение насилия – характерная черта периода английской революции. С этим были связаны перебои в снабжении городов продовольствием.

Гражданская война потребовала формирования постоян-

ной армии. Парламент проголосовал за налоги, необходимые для её содержания. Но гражданские власти не могли эффективно собрать эти налоги и не могли распустить армию¹². Это стало ключевой проблемой времен английской революции. Для её решения в 1642 году было конфисковано 2,5 миллиона акров земли, принадлежавших ирландским повстанцам. Они служили гарантиями займов, привлеченных для финансирования военных действий в Ирландии. Операции с бумагами, обеспеченными ирландскими землями, которыми английские власти гасили неплатежи армии, были массовыми. Офицеры скупали их у солдат. Примерно две трети земель в Ирландии перешли в руки новых собственников¹³. С точки зрения современников, её передел, связанный с конфискацией имущества сторонников короля, выкупом владений под угрозой изъятия властями, перераспределением ирландских земель, был беспрецедентным явлением¹⁴. Однако по масштабам «великих революций»¹⁵ объемы перераспределения собственности были весьма скромными. И предопределялось это именно сохранением системы отправления правосудия, традиционных установлений в сфере земельной собственности.

Лидеры американской революции также апеллировали к традициям. Восстание североамериканских штатов стало ответом на нарушение английским правительством привычных установлений, при которых налогоплательщики были

представлены в парламенте. её лозунг был: «Нет налогообложения без представительства!». Американские Штаты могли опираться на долгую традицию самоуправления. Роль королевской администрации в организации ежедневной жизни была ограниченной, государственные расходы низкими, бюрократический аппарат – слабым. Казалось бы, колониальную администрацию легко заменить новыми органами власти. Но и здесь революция – это финансовые неурядицы, неспособность государства вовремя платить армии, инфляция, масштабное перераспределение собственности. Перечитывая то, что писали современники событий, нетрудно увидеть: они говорят о проблемах нестабильного общества, в котором рухнули привычные институты¹⁶.

Голландская революция оказала лишь ограниченное влияние на доминирующие в Европе представления о должной организации общества. Иное дело – английская. Английские институты изучали, ими восхищались французские мыслители эпохи Просвещения. Однако влияние на европейский мир инноваций, связанных с французской революцией – от равенства граждан перед законом до призыва на воинскую службу, – далеко превзошло все, что было связано с предшествующими ей революциями.

Лидеры французской революции уже не апеллировали к традиции. Речь шла о разрыве со старым порядком, попытке перестроить общественную жизнь на новых основах. Интеллектуальная атмосфера революционной Франции была про-

никнута идеей о возможности и необходимости глубоких социальных и политических изменений.

Технические инновации, увеличение промышленного производства, урбанизация начинаются во время, близкое к французской революции. На рубеже XVIII–XIX веков наиболее развитые страны Европы, европейские переселенческие колонии вступили в новую индустриальную эпоху. Не удивительно, что в сознании мыслителей XIX века социально-экономические перемены и революция оказались неразрывно связанными.

Исследователи французской революции 1830–1840 годов обратили внимание на связь происходящих процессов с классовой борьбой. Маркс и марксисты, видение мира которых во многом формировалась под влиянием опыта французской революции, ставят вопрос шире: мир меняется и будет меняться. Производственные отношения должны соответствовать уровню развития производительных сил. Это делает революции неизбежными. Для марксистов естественно представление, что революция предопределена логикой общественного развития, она – необходимый элемент исторического процесса.

На этом фоне непросто понять, почему в работах марксистов XIX века столь мало внимания уделяется влиянию революции на повседневную жизнь людей, функционирование экономики. Ведь в случае успеха революции марксистам предстояло отвечать за решение финансовых проблем, снабже-

ние городов продовольствием, работу транспорта и связи. Видимо, романтикам революции обсуждать её влияние на качество французских дорог, ремонт которых при старом режиме обеспечивался натуральными повинностями крестьян, было скучно. Между тем от этого зависело, сможет ли столица связаться с региональными властями, способно ли государство обеспечить порядок¹⁷.

Революцию редко удавалось предсказывать. Это катаклизм, который наступал неожиданно для его участников – как правящего режима, так и тех, кто приходил ему на смену. Анализ предпосылок революции дается лишь историкам, изучающим их десятилетия спустя. Современники поражаются неожиданностью произошедших событий.

Франция была централизованной монархией с сильным бюрократическим аппаратом. В регионах власть интендантов – назначаемых центром чиновников – была велика. Они контролировали даже самые незначительные суммы, направляемые на местные нужды. Основой налоговой системы был прямой налог – талья, взимаемый на основе раскладки по территории и круговой поруки. Такая система требовала централизованной налоговой администрации¹⁸.

Армия Франции в 1780-х годах считалась одной из сильнейших в Европе. Безопасности границ ничто не угрожало. За политической стабильностью стояла вековая история. В то время ничего не предвещало, что французское государство может рухнуть в одночасье.

В эти годы можно было увидеть признаки приближающейся катастрофы: финансовый кризис, неготовность привилегированного сословия к компромиссам. Однако ни депутаты, собравшиеся на заседание Генеральных штатов, ни королевская власть не ожидали ничего подобного тому, что произошло в 1789 году.

Одним из поводов к французской революции стал неурожай 1788 года. Как обычно в аграрных обществах, наиболее острые проблемы возникли летом следующего года. На этом фоне начались заседания Генеральных штатов. С апреля продовольственные беспорядки во Франции стали массовыми. За падением спроса на промышленные изделия последовал рост безработицы¹⁹.

Предпосылка устойчивости государства – монополия на применение насилия, способность подавить беспорядки. Она зависит от того, что происходит на улице, готовы ли солдаты выполнить приказы, отдаваемые властями. Когда в 1789 году стало ясно, что солдаты приказы не исполняют, режим рухнул, как карточный домик. Выяснилось, что в армии нет полка, готового выступить по приказу короля²⁰. Отказ солдат стрелять придавал смелость тем, кто выступал против существующего порядка. Успех служил оправданием бунту. Государство оказалось не просто слабым, а бессильным. Институты старого режима разрушились в течение нескольких дней²¹. Потребовались годы, чтобы выстроить новые.

За несколько лет, прошедших после начала французской революции, были отменены феодальные обязанности, дворянские титулы, система прямых налогов, церковные корпорации, торговые гильдии, административная и финансовая системы, монархия. Сформировались установления нового режима: суверенитет народа, свобода мысли и слова, гарантии собственности, пропорциональное налогообложение, право граждан принимать участие в формировании законов, контроле над налогообложением и использованием государственных финансов. Однако за этими институциональными нововведениями не стояла традиция. В этом была их слабость. Эффективных инструментов обеспечения порядка не существовало. Наивно было надеяться на то, что солдаты будут исполнять приказы новой власти. В подобных обстоятельствах чаще всего не исполняются ничьи приказы. Вопрос о власти решала улица. Настроение толпы быстро меняется. Отсюда череда революционных лидеров, проходивших путь от народных кумиров до гильотины.

После краха старого режима налоговая система во Франции была демонтирована. Талья перед началом революции – символ ненавистного режима. Сохранить его новые лидеры страны не могли. Большинство косвенных налогов было отменено в 1791 году. Решение революционных властей об отмене прежних налогов до формирования новой налоговой системы современным экономистам представляется страным шагом. Но он был вынужденным – старую налоговую си-

стему новое государство, не имеющее аппарата, способного применить силу для сбора талы, сохранить не могло. Когда талья ушла в прошлое, крестьяне перестали платить налоги, выполнять феодальные повинности. Принудить их платить новые налоги – задача непростая. Когда заработает новая система поземельного налога, власти не знали. Но государство нельзя закрыть, даже когда крестьяне не желают платить. Армия требует денег. Дороги надо чинить, каналы ремонтировать. Есть институты, обеспечивающие отправление правосудия, элементарный порядок. Если их не финансировать, то даже тот невысокий, по современным меркам, уровень цивилизации, который характерен для Франции 1780-х годов, сохранить невозможно.

Революционные власти пытались найти источники финансирования государственных расходов – национализировали церковные земли, имущество эмигрантов, печатали деньги. Поскольку в эпоху революций права собственности плохо определены, не гарантированы, то и цена приватизируемого имущества невысока.

Крестьяне захватывали землю без разрешения властей. Остановить этот процесс государство было не в состоянии. Выручка от продажи церковной собственности составила, по разным оценкам, от 15 до 50 % той, которую можно было получить в условиях устойчивой власти²².

Основными аргументами в пользу наращивания эмиссии ассигнатов были недостаток денег в обращении и ожидание,

что их выпуск оживит промышленность, сделает собственность доступной для населения. Но эмиссия денег вела к их быстрому обесценению.

Во время революции устойчивость нового режима, судьба страны зависели от того, кого поддержат жители столицы. Их настроение напрямую связано со снабжением Парижа продовольствием.

Но с отменой налогообложения, феодальных повинностей крестьянам не было нужды продавать зерно в прежнем объеме²³. Революционный хаос в городах приводил к сокращению производства промышленных товаров, привлекательных для крестьян. За продовольствие горожане расплачивались с крестьянами обесценивающимися ассигнатами.

В 1790–1791 годах справиться с дефицитом продовольствия удалось благодаря хорошему урожаю. Административного регулирования цен не потребовалось. К тому же эта идея противоречила настрою политической элиты, её либеральным взглядам. Сен-Жюст произнес речь в поддержку свободы торговли, против эмиссии ассигнатов. Его поддержал Марат. Он говорил о связи денежной эмиссии с распространением бедности²⁴. В глазах якобинцев обесценение ассигнатов, дефицит продовольствия, анархия – результат заговора монархистов.

В 1791–1792 годах проблема дефицита продовольствия в городе обострилась. Осенью 1792 года в Париже требование ввести регулирование хлебных цен, как это было при старом

режиме, стало популярным.

Крестьяне не везли в город продовольствие, ждали более выгодных условий продажи. Стабилизировать финансы не удавалось. Армия соглашалась принимать в качестве жалования лишь золото. В казну оно не поступало, купить его за ассигнаты было невозможно. Решения Конвента от 8 и 11 апреля 1793 года о запрете торговли за золото, обязательности принятия ассигнатов по номиналу не помогли. Требования ввести контроль за ценами становились популярными. 4 мая 1793 года Конвент ввел регулирование хлебной торговли.

Региональным властям было предоставлено право проводить обыски и конфискации. Начались реквизиции продовольствия. 26 июля 1793 года были приняты законы, запрещающие создание запасов продовольствия. Те, кто владеет товарами первой необходимости, должны их декларировать. Те, кто этого не сделал, подлежат смертной казни. 9 августа 1793 года был принят закон о зерновом хозяйстве, 15 августа 1793 года введен зерновой налог, 11 сентября введен максимум цен на зерно во Франции. В начале сентября создана специальная революционная армия для осуществления революционного террора. её важнейшая задача – борьба со спекулянтами²⁵.

За налогами старого режима стояла традиция. Реквизиции – вещь непривычная. Они не подкреплены хорошо выстроенным административным аппаратом. Размеры изъятий продовольствия не определены, для крестьян непонят-

ны. Региональные органы управления вынуждены опираться на помощь сторонников революционной власти – санкюлотов²⁶. Крестьяне относятся к реквизициям как к грабежам. Ответ на них – сокрытие запасов, саботаж, убийства тех, кто помогает реквизициям.

Снабжение продовольствием Парижа, его окраин, других крупных французских городов для властей вопрос критический²⁷. Правительство якобинцев столкнулось с недовольством в городе и риском восстания в деревне. Париж надо кормить. Денег, чтобы купить продовольствие у крестьян, – нет. В готовности стрелять по участникам крестьянских беспорядков национальная гвардия проявляла больше решимости, чем войска старого режима. Но при массовом сопротивлении крестьян снабжение продовольствием Парижа становилось задачей трудноразрешимой.

У пустых булочных выстраиваются очереди. 29 октября 1793 года власти вводят карточное распределение продовольствия. В ноябре 1793 года запасов продовольствия в Лионе осталось лишь на 2–3 дня. В Руане жители получают полфунта хлеба в день. В Бордо люди спят у двери булочных в ожидании привоза хлеба.

В феврале 1794 года правительство информирует об исчерпании продовольственных ресурсов в некоторых регионах Франции²⁸. К этому времени по карточкам выдавали хлеба по 250 граммов на человека в день. На крестьян, при-

ехавших в город продать продовольствие, нападали. Радикалы, контролировавшие коммуны в Париже, были убеждены, что только гильотина поможет подавить заговор тех, кто продает, против тех, кто покупает зерно.

Правительство действовало решительно, с беспрецедентной по тем временам жестокостью. Не помогало. В подобной ситуации сохранение власти не зависит от того, сколько людей руководители революционного режима готовы казнить. Волна убийств санкюлотов, прокатившаяся по сельским регионам Франции после краха якобинского режима, наглядно показала отношение крестьян к реквизициям²⁹.

Термидорианские власти в ноябре 1794 года повысили административные цены на продовольствие. В декабре регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию отменили. Но холодная зима, рост потребления продовольствия крестьянами, падение курса ассигната определяют развитие событий на рынке. Кризис снабжения городов продолжился и при свободных ценах. В 1794–1795 годах в Париже голод. Только к осени 1796 года либерализация экономики и хороший урожай позволили выправить положение. Механизмы государственного управления стали восстанавливаться. Но потребовались годы, чтобы снизить инфляцию, восстановить налоговую систему³⁰. Стабилизация бюджета произошла лишь после дефолта по государственным ценным бумагам. Только к концу 1790-х годов важнейшие экономические показатели вышли на уровень, близкий предреволюционно-

му.

Нетрудно представить, как за эти годы поменялось отношение к революционным идеалам. Французы, увидевшие, как выглядят великие потрясения, были поражены контрастом между тем, чего они ожидали, и тем, что получили. В это время большинство из них мечтали об одном – порядке³¹.

Генерал, готовый восстановить порядок, оказался в правильное время в нужном месте. Во французской политике лозунг свободы был на годы снят с повестки дня. Наполеон контролировал все, что происходит в обществе, жестче, чем Людовик XVI. Но были сохранены важные для ежедневной жизни людей завоевания революции: равенство перед законом, отношения собственности, отсутствие феодальных повинностей. Наполеон втянул Францию в череду внешних авантур, однако обеспечил внутреннее спокойствие и эффективную централизованную администрацию³².

После Реставрации Бурбонов равенство граждан перед законом было сохранено, привилегии аристократии не восстановили. Никто не был свободен от налогов. Людовик XVIII подтвердил незыблемость новой структуры собственности, сохранил административную, юридическую и фискальную системы наполеоновской империи.

Важная характерная черта, которая отличает смуты в аграрных обществах от революций, состоит в том, что смуты заканчиваются восстановлением традиционных институтов,

а в ходе революций укореняются новые, изменяются основы общественного устройства.

Проблемы обществ с рухнувшими институтами

Поколения историков обречены обсуждать, была ли французская революция по своей природе классовой, какое влияние она оказала на развитие страны, в какой степени с ней связана череда «малых революций» 1830, 1848 и 1871 годов. Трудно представить и завершение дискуссии о том, была ли российская смута начала XVII века результатом переобложения крестьянства налогами во время Ливонской войны, его закрепощения или результатом случайных обстоятельств (пресечение династии), наловившихся на внешние факторы, слабо связанные с ходом российской истории. Можно привести список важных для национальной, а иногда и мировой истории вопросов, дискуссии по которым будут продолжаться долго. Но эти вопросы: почему крах институтов старого режима стал реальностью, какие социальные силы участвовали в политической борьбе, кто в ней победил, как произошедшее отразилось на долгосрочных перспективах развития страны и мира, – несомненно, важны для понимания логики исторического процесса, но выходят за пределы предмета данной работы.

Здесь же речь идет о том, с какими проблемами сталкиваются общества, в которых важнейшие для организации жизни установления рухнули, а новые не сформировались. Или,

в терминах современной экономической науки, проблемы общества в период деинституционализации.

Цивилизация – хрупкая конструкция. её невозможно сохранить, если в города не поступает продовольствие, не обеспечен элементарный порядок, армия не способна защитить территорию, нет ресурсов для её содержания. Когда социальные механизмы работают удовлетворительно, люди воспринимают это как само собой разумеющееся. Можно жаловаться на дороговизну или коррупцию, преступность, но человеку, выросшему в стабильном цивилизованном обществе, непросто представить, что хлеб в город не привозят вовсе, а полиция исчезла с улиц. Когда он сталкивается с подобной ситуацией, она представляется ему катастрофой, кошмаром, для людей религиозных – проявлением гнева божьего.

Цивилизацию можно сравнить с достижениями науки и техники, которые кардинально изменили нашу жизнь. Например, электричество. Тысячи лет человечество обходилось без него и создало великие культуры. Электричество сделало быт более комфортным, но и более хрупким. Прекращение электроснабжения крупного города на двое суток – тяжелое испытание для его жителей, а во время холодной зимы – катастрофа.

На заре цивилизации производство и потребление продуктов питания были тесно связаны, территориально объединены. Чтобы жизнь шла своим чередом, не нужны были развитая иерархия, упорядоченное налогообложение, пись-

менность. В цивилизованных обществах без этого обойтись стало невозможно. Утрата письменности в Восточном Средиземноморье после краха крито-микенской цивилизации на века вернула общество на доцивилизационный уровень развития.

В древнем мире проблемы деинституционализации характерны для централизованных аграрных империй. В современную эпоху с ними может столкнуться любая индустриальная страна, жизнь которой зависит от бесперебойной работы железных дорог, аэропортов, энергетических систем, телефонной связи. Обеспечить функционирование инфраструктуры без системы действующих социальных институтов невозможно.

Национальная и культурная специфика, внешняя среда, уровень грамотности, степень урбанизации накладывают отпечаток на то, как разворачиваются события в период деинституционализации. Если выстроить идеальную модель смут и революций³³, можно увидеть картину взаимосвязанных процессов, разворачивающихся на фоне краха институтов старого режима.

Ключевой институт – монополия органов государства на применение насилия. До тех пор, пока она сохраняется, пока армия готова выполнять приказы, режим остается стабильным, крушение ему не грозит. В России это показали события 1905–1907 годов, когда гвардейские части подавили попытку вооруженного восстания в Москве, а вернувшаяся с

Дальнего Востока армия усмирила вышедшую из-под контроля деревню. Неповиновение войск власти – явление в истории нечастое, поэтому закрепилось представление, что армия всегда лояльна режиму. Пока и общество, и власть в это верят, силу применять не приходится. Граждане, недовольные действующим режимом, вынуждены ограничиваться мирными протестами.

Но верность армии существующей власти, её готовность выполнить приказ применить оружие против народа – не гарантирована. Речь идет не о рыцарском ополчении, а об армиях централизованных аграрных государств или государств, находящихся в процессе современного экономического роста. Армия связана с обществом. Если в нем преобладает убеждение, что власть несправедлива и коррумпирована, добиться того, чтобы этого не обсуждали в армии, невозможно. Когда в казармах говорят о том, что в случае народных выступлений войска могут отказаться стрелять, число военных, готовых открыть огонь, сокращается. Солдаты и офицеры понимают: если режим падет, то толпа растерзает именно тех, кто открыл огонь.

Первые признаки проявления нелояльности армии означают, что режим столкнулся со смертельной угрозой. Когда неповиновение становится открытым, распространяется на столичный гарнизон, падение власти неизбежно. Но и для армии, основа которой – дисциплина, отказ исполнять приказы, измена существующей власти – тяжелая травма. Пола-

гать, что после отказа применять оружие против народа воинские части спокойно вернутся в казармы, – иллюзия.

Со старой властью армию связывают традиции, привычка подчиняться. С новой властью – ничего. Это выясняется сразу после того, как проходит эйфория первых после-революционных дней. Армейский механизм перестает работать, дисциплина падает, солдаты приказы обсуждают, а не выполняют. Трудно объяснить им, почему они должны рисковать жизнью, выполняя распоряжения лидеров нового режима. Дезертирство с оружием становится массовым. У новых властей нет пригодной к боевому применению армии. По улицам бродят агрессивные толпы вооруженных людей.

Во времена революций органы правопорядка ассоциируются со старой властью. При массовом протесте общества и нелояльности армии полиция бессильна. Она и не пытается предотвратить крах режима. Но, когда он происходит, полицейские – первые жертвы, на которых толпа вымещает накопившуюся ненависть к старым властям.

Эффективно функционирующая система правоохранительных органов – сложная структура, опирающаяся на развитую систему связей, накопленную информацию, агентурную сеть. Она рушится за несколько дней. Даже когда сотрудников полиции в массовых масштабах не убивают или увольняют, работа правоохранной системы оказывается парализованной. её сотрудники знают, что общество им не доверяет. Если в городе никто не контролирует вооружен-

ных солдат, работа по обеспечению правопорядка опасна и неблагодарна. К тому же непонятно, насколько устойчива новая власть, не придется ли потом отвечать за сотрудничество с ней. После краха старого режима на улице долго не встретишь представителя правоохранительной власти, готового поддерживать порядок.

Тюрьмы – один из ключевых символов тирании. Толпа, распахивающая ворота тюрьмы, неспособна вести следствие и вершить суд, разбираться в том, кто сидит за нелояльность властям, а кто за убийство и грабеж. Все, кого старый режим считал преступниками, оказываются на свободе. Паралич работы органов правопорядка, тысячи выпущенных из тюрем уголовников, отсутствие контроля над оружием, разгул преступности характерны для всех смут и революций.

Новые лидеры приходят к власти на волне народной поддержки, воплощают общественный протест против старого режима.

Эти энергичные и нередко талантливые люди обещают народу, что, когда будет покончено с деспотизмом, жизнь можно будет наладить, решить застарелые общественные проблемы. Вера в это помогает выводить людей на баррикады.

С падением режима проблемы финансового кризиса, перебоев со снабжением городов продовольствием встают перед новой властью. Возможности их решить – ограничены. Через несколько дней после революционных событий люди задаются вопросом: а кто такие представители новой власти,

откуда они взялись, с какой стати мы должны им подчиняться?

На этом фоне иногда возникает феномен многовластия. Каждый из конкурирующих центров претендует на то, что именно он – законная власть. Пока эти центры борются между собой, страна погружается в омут анархии. Гоббс, описавший в «Левиафане» картину борьбы всех против всех, ничего не выдумал. Он лишь стилизовал известные ему картины английской революции середины XVII века³⁴.

Контроль органов власти над ситуацией на местах – предпосылка эффективного функционирования централизованных государств. После краха прежнего режима система контроля за сбором налогов, использованием финансовых ресурсов, судопроизводством, обеспечением правопорядка в отдаленных от столицы регионах выходит из строя. Уполномоченных прежними властями чиновников, представлявших центральную власть, смещают или перестают им подчиняться. Феномен многовластия не ограничивается столицей, он есть и на региональном и субрегиональном уровнях.

Термином «собственность» описывают разные социальные конструкции. То, что в последние века в Европе принято называть собственностью, не слишком подходит к описанию реалий большей части аграрного мира. Но при всех различиях в стабильно функционирующих обществах понятно, кто в этом году владеет и пользуется участком земли. Это признают и органы власти, и соседи. Переделы земли могут быть

распространенной практикой, но и они привычны и предсказуемы. Для разрешения споров о земельной собственности есть устоявшиеся механизмы: община, суд. Все это работает до тех пор, пока государство сохраняет монополию на применение насилия. Когда её нет, система обеспечения правопорядка, судопроизводства парализованы. Массовыми становятся грабежи, самозахваты земли, её переделы. Само понятие собственности становится размытым, условным. Отсутствие ответа на вопрос о том, насколько самозахваты приносят устойчивые результаты, не вернут ли землю старым хозяевам при изменении расклада сил в столице, подрывает стимулы к вложениям в улучшение качества земли, дезорганизует сельскохозяйственное производство.

Сборщик налогов – один из ненавистных персонажей в истории. Тяжесть налогового бремени, несправедливость его распределения подвигают людей на выступления против старого режима. Призывы снизить или отменить налоги – эффективное оружие в борьбе за власть. Когда новые власти берут в руки бразды правления, они вынуждены принять как данность тот факт, что исполнение государством его обязанностей надо финансировать. Независимо от того, пытается новая власть отменить налоги или ограничивается их снижением, возможности налогообложения снижаются. Люди не понимают, почему после краха старого режима они по-прежнему что-либо должны платить государству.

Если государство не может ни отказаться от расходных

обязательств, ни собрать необходимые для их финансирования налоги, результат однозначен. Это финансовый кризис. В обществах, в широких масштабах использующих бумажные деньги, первая реакция властей – переход к эмиссионному финансированию бюджетных расходов. Инфляция нередко перерастает в гиперинфляцию, приводит к параличу денежного обращения. Там, где роль бумажных денег в экономике ограничена, власти пытаются решить проблему порчей монеты. Иногда эмиссионное финансирование и бюджетные неплатежи становятся последовательными стадиями развертывания финансового кризиса. Когда доверие к бумажным деньгам подорвано, возможности мобилизации эмиссионных доходов приблизились к нулю, государство отказывается от денежной эмиссии. Однако расходные обязательства остаются. Массовыми становятся бюджетные неплатежи, задолженность государства перед армией, чиновниками.

Крах старых институтов и отсутствие новых по-разному сказывается в деревне и в крупных городах. Деревня может обеспечить себя продуктами питания при любом режиме, если их, конечно, не отбирают силой. От городских товаров можно на время отказаться. В малых городах жители еще не оторвались от села, нередко обрабатывают земельные участки. Здесь положение сложнее, чем в деревне, но тоже не критическое.

В крупных городах снабжение продовольствием становится трудноразрешимой проблемой. Сказывается расстрой-

ство коммуникаций. Дороги не ремонтируют, каналы мелеют, шлюзы выходят из строя. Паралич правоохранительных органов, рост преступности делают торговлю занятием опасным. Это ведет к натурализации крестьянского хозяйства.

Разрушение налоговой системы снижает потребность деревни в деньгах. Сборщик налогов больше не приходит, а если придет, его можно выгнать, не опасаясь последствий. Реакция крестьянского хозяйства на облегчение налогового бремени – сокращение производства товарного зерна, рост потребления продуктов питания в крестьянских семьях.

Крестьяне не торопятся обменивать продовольствие на теряющую цену «крашеную бумагу». Попытки организации безденежного продуктообмена между городом и деревней не позволяют обеспечить минимальные потребности города в продуктах питания. Город нуждается в продовольствии больше, чем деревня в промышленных товарах.

Характерные черты периодов деинституционализации: кризис продовольственного снабжения крупных городов, дороговизна продуктов питания. Это удар по уровню жизни городского населения, особенно его низкодходных групп. Между тем речь идет о социальных группах, которые недавно принимали участие в выступлениях, приведших к свержению старого режима. В общественном сознании зреет убеждение: при старой власти было плохо, при новой – еще хуже. Ответственность за это лежит на лидерах нового режима. Их надо сменить, более того, казнить.

В руках у новых властей нет ни боеспособной армии, ни работающих органов правопорядка. Развитие политического процесса зависит от того, кого поддержат жители столицы. Получить их поддержку надо любой ценой. Необходимая предпосылка – удовлетворительное обеспечение столицы продовольствием. Если его невозможно добиться, закупая продукты питания в деревне по рыночным ценам, выход один – насильственная реквизиция. Она может проводиться конкурирующими городскими отрядами, которые отправляются в деревню отнимать у крестьян зерно, или централизованными формированиями, выполняющими те же задачи. Результат один – город объявляет деревне войну, силой пытается взять продовольствие, которое крестьяне не готовы продавать за обесценивающиеся деньги.

Отношение крестьян к происходящему понять нетрудно. Представители прежнего режима требовали уплатить налоги на основе привычных правил. Пришедшие из городов вооруженные люди отбирают у крестьян урожай, не задумываясь, сколько можно взять, чтобы не разрушить крестьянское хозяйство, не обречь крестьянскую семью на голод. На этих людей в деревне смотрят как на грабителей. Реакция на попытки города силой взять продовольствие в деревне понятна – восстания, нередко перерастающие в гражданскую войну. В некоторых регионах страны крестьянский протест делает реквизиции невозможными. За этим следует ухудшение продовольственного снабжения городов, введение кар-

точной системы распределения продовольствия, не отоваренные карточки.

Крестьяне ненавидят новые власти за то, что они отбирают хлеб. Городские низы ненавидят их за то, что снабжение ухудшается, наступает голод. Нарастает недовольство, усиливается политическая нестабильность. На нее накладывается уязвимость государства, переживающего кризис деинституционализации, по отношению к притязаниям соседей к его территории. После развала армии страна, еще недавно бывшая активным участником международных процессов, становится беззащитной. Сохранение её целостности, масштабы территориальных потерь зависят от алчности соседей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.